

-Нет сомнения, что бен Ладен очень умный человек. Но если отбросить анализ терактов под его гипотетическим руководством и «посчитать» только его абсолютную речь – коэффициент интеллекта бен Ладена сразу резко падает, не дотягивая даже до 150.

-Иными словами...

-... иными словами, с его реальным IQ бен Ладен не смог бы организовать масштабную террористическую войну (интервью с В. Феритом, доктором психологических наук, «Комсомольская правда», 19марта 2002, с. 10).

Возможен и обратный случай, когда интервьюируемый поощряет инициативу журналиста, правда, такие ситуации встречаются реже, и данный коммуникативный ход реализуется в основном либо с помощью вопросов, либо посредством прямого призыва продолжать говорить:

-Хочу, Николай Петрович, сообщить вам страшную тайну.

-Надеюсь, только мне по секрету рассказываете? Тогда молитесь! (интервью с Н. Караченцовым, «Комок», 2002 № 16, с. 6).

Способом сохранения инициативы в руках ведущего – но вопреки его намерению – является случай, когда ведомый использует прием «уклонение от инициативы», который может реализовываться в виде коротких, иногда однословных, ответов, демонстрирующих коммуникативную пассивность:

-Вам известны документы, в которых отражены последние доклады командира лодки Лячина?

-Обыкновенные рабочие документы.

-Не было ли доклада, который предвещал беду?

-Нет.

-Все шло в штатном режиме?

-Да (интервью с В. Куроедовым, «Комсомольская правда», 22 ноября 2001, с. 9).

Данный коммуникативный ход характеризует только речевое поведение интервьюируемого и часто бывает связан с уклонением им от темы.

Таким образом, мониторинг инициативы представляет собой один из способов поддержания диалогического взаимодействия. Хотя интервью является неравноправным диалогом с точки зрения контроля над очередностью и временем говорения, участвовать в распределении коммуникативной инициативы могут и журналист, и его собеседник. Для этого в их речевом репертуаре есть специальные коммуникативные ходы, одни из которых свойственны обоим партнерам («передача инициативы», «взятие инициативы», «перехват инициативы», «сохранение инициативы», «удержание инициативы», «поощрение инициативы»), другие – только интервьюеру («навязывание инициативы») либо только интервьюируемому («уклонение от инициативы»).

Литература

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск, 1999.
2. Лукина М. М. Технология интервью. – М., 2003.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М., 2003.
4. Sacks H., Schegloff E. A. and Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turntaking for conversation // Language: Journal of the Linguistic Society of America. 1974, v. 50, № 3, 696-735.

Плужникова Т. И.

АРТИОНИМЫ КАК ОБЪЕКТ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Одним из отличительных признаков имен собственных является, как известно, отсутствие у них лексического значения, ибо имена собственные «называют индивидуальные предметы, входящие в класс однородных, однако сами по себе не несут какого-либо специального указания на этот класс» [6, с. 460], то есть они соотносятся с референтом, но не с денотатом. В виду того, что семантический анализ предполагает вычленение семантических множителей, составляющих семантическую = лексическую¹ структуру слова, естественно предположить, что они не могут быть подвергнуты семантическому анализу. Видимо, это положение абсолютно справедливо только в отношении личных имен, кличек животных, географических и астрономических названий, то есть собственных имен в узком смысле этого слова [Там же], поскольку вопрос о возможности значения у имени собственного лингвистами обсуждается (Пономарева Н. И., Соколова О. И. и др.).

В русском языкознании общая теория имен собственных уже создана, что было бы невозможно без трудов А. В. Суперанской, Н. В. Подольской, В. А. Никонова и др. Немало научных работ, в которых рассматриваются отдельные группы имен собственных: антропонимы, топонимы, теонимы, зоонимы и т.д. Однако специальных исследований, посвященных артионимам, до настоящего времени не было.

По определению «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, артионим² – «имя собственное (название) произведения изобразительного искусства (живописи, графики, пластики)» [5, с.38]. Артионимы относятся к категории названий, связанных с духовной культурой, то есть составляют подкласс идеонимов.

Специфичность артионимов в ряду других имен собственных обусловлена и тем, что они являются наименованиями, а «для имен собственных наименований используются нарицательные существительные или

сочетания слов. При этом нарицательное существительное не утрачивает своего лексического значения, а лишь изменяет свою функцию» [6, 461]. Артионим выполняет номинативную функцию в отношении не фрагмента объективной реальности, а невербального знака, посредством которого художник выразил свое видение данного фрагмента: «*Туркестанский солдат в зимней форме*» (В. В. Верещагин, 1871-1872), «*Старая крестьянка с клюкой*» (А. Г. Венецианов, 1830-е), то есть имеет место вторичная номинация. Однако то слово (словосочетание, предложение), которое художник посчитал возможным вынести в название картины, может по-разному соотноситься с ее содержанием, отражая его либо полностью, либо частично. Вне картины (но при этом известно, что рассматривается артионим) в названии актуализируется лишь денотативное значение слова, его составляющего. Например, зная, что картина А. Иванова называется «*Ветка*», мы можем предположить, что на ней изображены либо «1. Боковой отросток, побег, идущий от ствола дерева (кустарника) или стебля травянистого растения; небольшая ветвь» [1, 122], либо «2. Линия железной дороги, отходящая в сторону от главного пути» (Там же). Вероятнее всего, в сознании актуализируется первое значение слова (если только нет профессиональной доминанты, то есть анализирующий не работает в железнодорожной системе). В этом случае, не видя картины, адресат, видимо, представит некую ветку, опираясь на значение слова *ветка* в том семантическом объеме, который представлен в его языковом сознании. Даже обратившись к словарной дефиниции (см. выше), он не получит полного представления о том, что нарисовано на картине, поскольку не будет знать, о «боквом отростке» чего идет речь – дерева, кустарника или травянистого растения, не будет знать, какое именно это дерево (кустарник, травянистое растение), есть ли на нем в момент изображения листья, цветы, плоды.

На основе дефиниционно-логического анализа в семантической структуре слова *ветка* выделяются семы 'боковой', 'побег', 'отросток', 'ствол', 'дерево', 'кустарник', 'стебель', 'растение', 'травянистое', 'небольшой', 'ветвь'. На картине А. Иванова изображена ветка именно дерева (судя по ее толщине и форме листьев), однако ствол дерева как бы остается за полотном. Таким образом, в артиониме нейтрализуются семы 'кустарник', 'стебель', 'растение', 'травянистое'. Ядерные семы 'ствол', 'дерево' в слове *ветка* активизируют те же смысловые компоненты невербального знака, который обозначен словом, – структуры (структура – рабочий термин, который мы используем для обозначения отдельных фрагментов картины – смысловых частей, на которые зритель спонтанно и бессознательно разделяет произведение изобразительного искусства), благодаря чему смотрящий понимает, что изображена часть дерева, хотя его на полотне нет. На картине ветка покрыта листьями, и эта деталь актуализирует периферийный семантический признак слова *ветка*, который не вычленяется путем дефиниционно-логического анализа, но который можно выявить в результате ассоциативно-семантических связей анализируемого слова.

Такая связь существует между словами, входящими в одну лексическую парадигму, которую Т. В. Слива определяет как ассоциативно-семантическую группу (АСГ) [7]. Члены АСГ содержат общие семы, однако сема, которая для одного слова (исходного, формирующего АСГ) является периферийной, на лексическом уровне эксплицируется в слове, для которого данное значение становится ядерным, а на периферии его семантической структуры представлена сема, выступающая ядерной в семантической структуре исходного слова. Исходное слово определяется как каузема, а слово, с которым у кауземы устанавливается ассоциативно-семантическая связь, – как рефлексема.

В данном случае кауземой выступает *ветка*, а слово *лист* – его рефлексема, что подтверждается анализом словарной дефиниции: «Орган воздушного питания и газообмена у растений, имеющий обычно вид тонкой зеленой пластинки какой-л. формы, определенной для каждого растения, на черенке прикрепленной к его стеблю или ветке (выделено нами – Т.П.)» [1, с. 499].

Таким образом, содержание картины как невербального знака, примененного художником для обозначения определенного фрагмента объективной реальности, тем или иным образом коррелирует с семантикой знака вербального, который соотносит общепринятое понимание данного фрагмента, закрепленное в языке, с видением этого фрагмента художником. В приведенном примере происходит взаимная актуализация содержания двух знаков, более того, достигается синергетический эффект. Ни один из них не самодостаточен: даже если бы у картины не было этого названия, зритель для себя обозначил бы ее, «назвал» точно так же, поскольку этот артионим максимально точно передает содержание полотна. И, как было отмечено, без картины подпись не дает полного представления о том, как художник видит то, что изобразил.

По мнению А. В. Суперанской, отличительной же чертой денотатов всех идеонимов, а следовательно и артионимов, являются «образность, художественность, идеальность» [9, с. 25]. Видимо, место этих компонентов в семантике артионима может перемещаться, занимая либо ядерное, либо периферийное положение. В артиониме *Ветка* они неглавные, поскольку у слова *ветка* коннотации отсутствуют. Несколько иначе обстоит дело с артионимом «*Весна*» к картине Аркадия Пластова (1954).

По определению «Большого толкового словаря русского языка», *весна* – это «1. Время года, наступающее за зимой и сменяющееся летом. 2. *Книжн.* Пора расцвета, молодости» [1, с. 121]. На картине с названием *Весна* изображена обнаженная девушка возле деревенской бани, протопленной «по-черному». За спиной девушки сбоку – ведро с водой, на переднем плане – на лавке стоит шаечка с постирушкой. На фоне темных бревен бани, закопченных дымом, который и в изображенный момент выходит из полуоткрытой двери, солома на земле у порога, на которой на корточках сидит девушка, кажется золотой. Ее цвет подсвечивает рыжие волосы девушки. Девушка совсем юная, лет 15-16. Разгоряченная баней, о чем свидетельствуют ее румяные щеки, она с полуулыбкой заботливо укутывает платком, видимо, младшую сестренку, совсем маленькую девочку, которая, вероятно, тоже была в бане, а теперь побежит домой. С бело-серого неба падает очень редкий снег хлопьями. За огородом предбанника на косогоре виднеется уже посеревший снег, наполовину стаявший, а там, где его уже нет, пасутся лошадь и корова. Еще дальше, на холме светлеют несколько деревьев с темными вороньими гнездами.

Если для названия *Ветка* было использовано слово *ветка* в его ЛСВ₁, то артионим *Весна*, по сути, это лексема *весна*, то есть слово во всех его значениях. Соответственно, необходимо провести семантический анализ обеих вышеприведенных семем.

ЛСВ₁ слова *весна* – его прямое производное значение. На основе приведенной словарной дефиниции можно вычленил только семы 'время', 'часть года', 'следует за зимой', 'предшествует лету'. В БАС представлена более детальная характеристика, это время года определяется как «характеризуемое удлинением дня, наступлением тепла и т.п.» [8, II, с.142-143], что позволяет выделить соответствующие семы. В результате анализа обратных семантических связей слова *весна* (ЛСВ₁) с его дериватами нами отмечены первичные квалитативные значения 'начало активизации жизнедеятельности живых существ (не людей)', 'начало роста растений', 'пора цветения', 'период сельскохозяйственных работ', 'период сезонных работ', 'период возникновения или обострения заболеваний', 'период, встреча которого сопровождается обрядом', 'период половодья', а также вторичный признак 'цвет' (сема 'светло-зеленый') [4, с. 153]. Анализ синтагматических связей слова *весна* и его синтаксического деривата *весенний* позволил также выделить семы 'менее сильный, чем зимой' (снег, мороз, метель), 'недостаточно белый' (снег), 'не такой прочный, как зимой' (лед) [4, с. 128]. Следствием анализа ассоциативно-семантических связей стало выделение сем 'тепло', 'прилет птиц', 'гнездование', 'первая трава', 'проталины' [7, с.11-12].

В содержании картины находит отражение лишь часть семантики слова *весна*. Прежде всего, актуализируются квалитативные, а не темпоральные признаки (только один из них – 'следует за зимой'), а именно: 'таяние снега', 'проталины' (им соответствует структурема «проталина на косогоре»), 'не такой белый, как зимой' (на картине – цвет снега, лежащего на земле), 'менее сильный, чем зимой' (редкие хлопья снега, от безветрия медленно и прямо падающие на землю), 'первая трава' (структурама «пасущиеся животные», хотя они могут есть и оставшуюся под снегом прошлогоднюю траву), 'гнездование' (структурама «гнезда на деревьях»), и даже если предположить, что это гнезда, оставшиеся с прошлого года, сема актуализируется).

ЛСВ₂ слова *весна* является эпидигматом ЛСВ₁, то есть это номинативно-производное значение, развившееся на основе включающей связи. Словарная дефиниция позволяет выделить лишь семы 'пора', 'расцвет', 'молодость'. Последней семе соответствует структурама «девушка». Коннотации, присущие анализируемой семеме, находят подтверждение в ее толковании, данном М. Я. Морошкиным: «корень этого слова будет тождественен с корнем слова *веселый* и будет означать одно и то же – сияние, светлость, желание и любовь» [3, с. 58]. Мы отмечали, что при общем темном и даже немного унылом фоне картины обращают на себя внимание совершенно солнечный цвет соломки под ногами, рыжие волосы девушки и как бы светящееся изнутри ее обнаженное тело. Именно они эксплицируют в невербальном знаке коннотацию слова *весна*, семы, относимые Т. А. Лисицыной к новому функциональному типу словесного значения – художественному, которое соотносится с образно-эстетическим понятием, развившемся на базе обиходного [2, с. 133].

Итак, семантический анализ артионима возможен только в объеме того апеллятива, который используется в новой для него функции. Подпись к картине является желательной даже в том случае, если содержание картины покрывает собой семантику языкового знака: актуализация тех или иных сем может способствовать лучшему пониманию произведения изобразительного искусства. Специфичной чертой артионима является возможность одновременной актуализации нескольких значений слова, используемого в функции названия картины. Образный компонент значения артионима занимает ядерное положение в том случае, если апеллятив, положенный в его основу, употребляется в переносном значении.

Данные выводы не являются окончательными, поскольку рассмотрены только два вида артионимов – с референтно-денотативным и денотативно-сигнификативным типом значения, в то время как их значительно больше, поэтому перспективность исследования такого рода имен собственных очевидна.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2003.
2. Лисицына Т. А. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Исследования по семантике. – Уфа, 1983. – С.128-136.
3. Морошкин М. Я. Славянский именослов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. – СПб, 1867. – 213 с.
4. Плужникова Т. И. Типология комплексных единиц словообразования: прогнозирующая функция. – К., 2002. – 256 с.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988.
6. Русская грамматика: В 2-х т. – Т.1. – М.: Наука, 1982.
7. Слива Т. В. Ассоциативно-семантическая группа как форма парадигматической организации лексики. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – К., 2005. – 20 с.
8. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.-Л.: Наука, 1948-1965.
9. Суперанская А. В. Апеллятив – онома. // Имя нарицательное и собственное. – М.: Наука, 1978. – С. 5-33.

Примечания

¹Для однозначных слов.

²Лат. *ars, artis* 'искусство' + оним

Подгайская И. М.

РОЛЬ ПРЕФИКСОВ В ИЗМЕНЕНИИ СЕМАНТИКИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА

Историческое словообразование продолжает оставаться недостаточно разработанным разделом истории английского языка. Большинство учебных пособий, посвященных истории развития и становления английского языка, традиционно содержат подробные описания фонетических, морфологических и синтаксических изменений, которые претерпевает английский язык в процессе эволюции, в то время как вопросы словообразования либо вообще не освещаются [3; 8], либо им отводится незначительное место [2; 4; 6; 7; 16]. Особенно скудные сведения даются относительно префиксации. В частности, в древнеанглийский период разными пособиями фиксируются от двух [1] до двенадцати [5] префиксов, хотя, как показывает анализ древнеанглийских источников, только глагольных префиксов в данный период обнаруживается больше.

Более подробную информацию о префиксах, существовавших в английском языке на разных этапах его развития, можно найти в пособиях по этимологии английского языка, в этимологических словарях и в словарях, посвященных отдельным периодам развития языка. Однако пособия по этимологии и этимологические словари, как правило, ограничиваются лишь перечислением наиболее употребительных префиксов, не анализируя их